

Анатолий Ахутин, философ

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, нужно уточнить: что такое культура, и в частности, русская культура. Я могу предложить такое определение: культура – это некое пространство, в котором разные эпохи, разные народы, разные люди общаются друг с другом, сообщая и передавая опыт человеческого бытия как такового. Будь то поэт, философ или живописец, он говорит или делает нечто такое, что касается всех. Именно это я называю культурой. В связи с этим мне хочется вспомнить стихотворение Баратынского:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

Это для меня схема связей, образующих мир культуры. Как друга находишь в поколении, точно так же человек, принадлежащий другому народу, оказывается в каком-то смысле мне другом по общему нашему человеческому пребыванию в мире.

В одной из своих статей Осип Мандельштам приводит в пример эти строки Баратынского, утверждая, что каждое стихотворение, а я добавил бы, что каждый предмет культуры – как записка, положенная в бутылку и брошенная в океан. Кто-нибудь когда-нибудь найдет эту записку и прочтет. Если речь идет о русской культуре, то для меня это не изолированная действительность. Важно то, как люди, живущие в этой стране, говорящие на русском языке, сообщают о себе друг другу и народам других стран. То есть как они пишут свои записки для того, чтобы выбросить их в океан. И внутри этой культуры есть определенные узлы такого сообщения. В своей знаменитой речи о Пушкине Достоевский сказал, что Пушкиным загадана загадка, которую мы все разгадываем. Достоевский как бы приписывает себя к той традиции, одним из фокусов которой является пушкинская эпоха. Это очень сильный фокус, который притягивает все последующее, вплоть до конца 19-го века. И неслучайно на закате этой русской традиции Александр Блок произнес свою знаменитую речь о назначении поэта, тоже посвященную Пушкину. Он тогда сказал, что, уходя в наступающую ночь, которую он предчувствовал, мы будем перекликаться этим легким именем – Пушкин. Опять

Пушкин берется не просто как некая культурная ценность, а как опознавательный знак, как то, чем люди, существующие в мире культуры, дают знать друг другу о себе.

Я должен сказать, что Пушкин – это такой странный центр всей русской культуры, который почти не принадлежит этой культуре, поэтому и центр. До Пушкина и после него очень трудно найти в русской культуре фигуру, которая воплощала бы такую степень внутренней свободы и легкости. Свобода была, скажем, у Толстого, но она сопровождалась такой агрессией, таким, можно сказать, деспотизмом мысли и идеологии, что эта тяжесть одолевала животворящий дух свободы, которым Пушкин горел, как свеча пламенем. И ни у кого мы больше не найдем такого соединения и трагического, и эпического, и лирического, и поэтического энтузиазма и вдохновения, как у Пушкина. У всех возникает что-то душевное, тяжелое, какие-то шубы или ватники, какие-то удавки, набрасываемые самому себе на шею. Достаточно вспомнить Гоголя, человека пушкинской эпохи.

Так что, если говорить не о моих пристрастиях, а о концептуальном понимании русской культуры, то Пушкин находится в центре. Причем по отношению к нему прошлое ставится как периферия. Не нужно думать, что я противопоставляю художественную культуру религиозной культуре. Ни в коем случае. Но здесь я рассматриваю культуру в той мере, в которой она обращена ко всем. И как пример могу вспомнить книгу Д.С. Лихачева, которая называется *Древняя Русь эпохи Андрея Рублева и Епифания Премудрого*. Название тут чрезвычайно важно. Эпоха обозначена именем иконописца и религиозного писателя. То есть эпоха выразилась в иконах Рублева и творениях Епифания Премудрого. Причем она выразилась опять-таки для всех. Даже человека неверующего иконы Рублева вряд ли оставят равнодушным. Неслучайно русский религиозный философ Павел Флоренский сказал: «Раз есть Троица Рублева, следовательно есть Бог». Он считал эту вещь одним из доказательств бытия Божьего. И я с ним в этом согласен, хотя не являюсь человеком церковным. Итак, любая художественно значимая вещь как опыт человека, сконцентрированный в какой-то форме – будь то слово, образ, мысль, и сообщенный всем, на все времена, и является воплощением той русской традиции, к которой я себя отношу.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Для меня это не одна эпоха, это несколько эпох, в которых есть вот эти пики, средоточия, о которых я говорил, отвечая на предыдущий вопрос. Ясно, что прежде всего это эпоха пушкинская, через которую нам, кстати, открывается и предыдущая эпоха так называемых архаистов – наследие Державина и его современников. Я не буду оригинальным, если одной из важнейших вершин назову русскую литературу конца 19-го века – творчество Достоевского, Толстого. Сюда же я от-

ношу и Чехова, хотя с этим многие не согласятся. Достоевский и Толстой – популярные писатели равной мощи. А Чехов, я считаю, это третий полюс. Следующий взлет русской культуры – это то, что называют серебряным веком, он продемонстрировал такую вспышку и такую концентрацию культуротворящих сил, какой на Западе в то время не могло и быть. За 10-15 лет, начиная от символизма и завершая футуризмом, было наготовлено на будущее столько взрывчатых точек возможной еще только культуры – я имею в виду и художественное творчество, и теоретическую и философскую мысль, – что мы этим питаемся до сих пор. Я прибавил бы сюда еще часто отсекаемые 20-е годы, которые спровоцировали возникновение скрытых, «подпольных» кружков. Я имею в виду круг Бахтина, круг Марии Юдиной, которые собирали вокруг себя творческих людей, реальных носителей культуры в ту эпоху. И эти люди находились в инерционном поле культурных достижений серебряного века, которое до сих пор остается не исчерпанным.

- А если вернуться к триаде авторов конца 19-го века: Достоевский-Толстой-Чехов. В чем, на ваш взгляд, их значимость и актуальность?

Для меня их значимость в том, что они оповещают о судьбах человечества в 20-м веке. Это великая значимость, потому что нигде и ни у кого на Западе я не нахожу таких прозрений. А тут вглядывание в человека происходит до таких пределов и, как сказали бы экзистенциалисты, до таких предельных ситуаций, которые потом станут обыденной реальностью огромного количества людей. Вот эти реальности открыты художественным вдумыванием, вглядыванием в человека, причем каждым из этих трех писателей по-разному. Но для нас важно и значимо прежде всего то, что их объединяет, что их связывает с 20-м веком. Так, они обнаруживают истаивание традиций – семейных, религиозных, культурных и прочих, которые вписывали человеческую жизнь в некую непрерывность. Они почувствовали, что все это кончается, и не по чьему-то злему умыслу, а по некоторым неисповедимым судьбам человеческой жизни. И некоторые писатели, поэты и философы умудряются услышать это как некое подземное смещение, задолго до того как смещение станет очевидным. Они как бы сейсмографы будущих социальных потрясений. Как говорил Блок, дело поэта – услышать глубинные ритмы, которые движут миром, человеческими судьбами, услышать и вывести наружу.

Русские писатели, о которых идет речь, были в этом отношении выдающимися «слушателями», внимательными и внемлющими, а лучше сказать, очень чуткими. У них было чутье, как у зверя, который слышит опасность, хотя не знает еще откуда ее ждать. У Толстого это глубинные исследования отношений человека со смертью. Свидетельства тому его поздние рассказы. Толстой оказался первым, кто без всяких компромиссов и утешительных надежд заговорил о смерти. И бо-

лее проникновенного, пронизательного размышления о взаимоотношениях человека со смертью я не знаю. И недаром такой крупный философ 20-го века как Мартин Хайдеггер в своем основном труде *Бытие и время* ссылается на одного русского писателя – Льва Толстого. Рассказ «Смерть Ивана Ильича» для него феноменологическое, философски значимое развертывание встречи человека со смертью, открывающее какие-то предельные для человеческого бытия смыслы в этом взаимоотношении.

Иной взгляд на ту же проблему у Достоевского. Это не просто встреча человека со своей смертью. Это встреча человека со своими возможностями такого же судьбоносного плана. Если воспользоваться примером из Платона, то мы всматриваемся в то, как происходит это незаметное ни для кого событие, когда человек выбирает свою собственную судьбу. Выбирает свою собственную судьбу и вновь возвращается к точке выбора, туда, где судьба расщепляется и где она может стать или спасительной или губительной. Причем никогда не ясно, где что, но самым главным для Достоевского становится точка выбора судьбы вечной. И эта точка выбора никуда не исчезает. Она неудаима. И невозможно, выбрав, забыть. Кем бы человек ни стал, атеистом или верующим, террористом или проповедником, он уже не может сказать: «Я выбрал, а теперь Господь Бог за меня отвечает». Это означает, что человек имеет всегда самого себя в качестве выбравшего. Непреодолимость начального момента, момента своей вечной судьбы, его неустранимость – это, на мой взгляд, и есть основное философское открытие Достоевского.

И третий полюс – Чехов. Мое отношение к Чехову созвучно тому, что сказано в статье Шестова, которая называется «Творчество из ничего». Чехов открывает ту же самую точку, но он открывает ее как мертвую. Есть такая точка в равновесии, которую надо преодолеть, чтобы скатиться туда или сюда. Это мертвая точка. Взгляд на человеческую жизнь из мертвой точки – это то, что в 20-м веке начнет питать огромное количество литературы, прежде всего экзистенциалистской. Эта точка трудно проходима, трудно преодолима. И если взглянуть на жизнь из этой мертвой точки, то жизнь омертвевает. В этом нет ничего плохого, потому что все это относится к миру культуры. Потому что для человека все значимо и все спасительно. Вреднее не знать про эту мертвую точку и еще вреднее ее в себе не открывать, чем вдумываться, «вчитываться» в эту точку как свою собственную. В эпоху Чехова его ругали, называли декадентом, певцом сумерек и тем самым закрывали то значимое для человека, что он открыл, чему он давал звучать. Да, это нога монотонная, это «скучная история», и эта скучность – один из главных нервов человеческого бытия. У Хайдеггера это называется экзистенциал, то есть нечто связанное, с одной стороны, с каким-то переживанием, настроением, а с другой стороны, это то настроение, в котором ему открывается весь мир определенным образом. Так что наша литература конца 19-го века предвосхитила или даже открыла то, что в 20-м веке стало более очевидным.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Если о культуре говорить всерьез, то никак не сказалоь. Просто до некоторой степени улучшились условия существования культуры. Например, люди получили возможность больше общаться друг с другом. Писатели, которые вынуждены были жить за границей, смогли приехать в Россию и пообщаться со своими коллегами. Здешние поехали за границу. Стали устраивать выставки и там, и здесь, выпускать любые книги. Это все замечательно, но не имеет отношения к культуре в том смысле, о котором я говорил. Это проявления цивилизации. И это надо различать. Цивилизованность означает возможность печататься, посещать библиотеки, концертные залы. Это то, что предоставляет современный мир людям, которые участвуют в каком-то творчестве. В этом отношении стало безусловно лучше. Книг у нас теперь издается огромное количество. Покупай, что хочешь. Но это вовсе не значит, что люди стали больше и лучше читать, чем это было в эпоху самиздата, когда книга давалась на одну ночь и за одну ночь прочитывалась. Я могу привести пример из собственной жизни, когда в руки мне попался знаменитый *Миф о Сизифе* Альбера Камю. Об этом произведении я узнал из критической статьи в журнале *Иностранная литература*, где приводились цитаты из произведения. Из-за этих цитат, собственно говоря, и читали эту статью. Потом я узнал, что книга имеется в русском переводе в самиздате. Я потратил неделю, чтобы разыскать машинописный текст, напечатанный на тонкой папиросной бумаге. Я должен был прочитать за одну ночь и утром отдать. Наверно, ни одна из философских книг не была мною усвоена с такой полнотой и исчерпанностью, как этот *Миф о Сизифе* Камю, хотя в смысле философском эта книга далеко не самая главная. Вряд ли кто-то из моих студентов сейчас так читает книги, хотя им предоставлено все.

Так что условия существования культуры стали, безусловно, лучше, но это не значит, что минувшее десятилетие положительно отразилось на самой культуре. Кто как писал, тот так и пишет. Кто сочинял стихи, тот и сочиняет. Я знаю замечательных поэтов и писателей, которые как в советскую эпоху жили в подполье, так и сейчас живут, а кто-то из них уже умер в абсолютной неизвестности. Знают о них только в самых рафинированных кругах, где они и были известны. Я могу назвать, например, поэта Михаила Еремина, который как жил в кругу своих стихов и своих коллег-поэтов, так и продолжает писать и читать им свои стихи. На его поэтическое творчество ничто не повлияло, так же, как и на творчество Всеволода Некрасова, которого я чрезвычайно высоко ценю и считаю одним из самых крупных поэтов современности. Если вы возьмете сборники стихов, которые у нас сейчас издаются, то на две трети они заполнены стихами, написанными в 60-е – 80-е годы. И в конце немножко стихов последних лет, которые по уровню никак не отличаются от того, что было раньше. Конечно, появилось мно-

го новых имен. Количество поэтов, художников увеличилось, но особо выдающихся не появилось. Единственное открытие последних лет – это писатель Улитин и его книга *Разговор о рыбе*. Он уже умер, а в свое время, как положено, сидел в тюрьме.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Если ситуация культурна, то никакие лидеры ее никак изменить не могут. Они могут ее уничтожить и разрушить, но повлиять на нее и изменить не могут. Это величины несоизмеримые. Мнение президента не может изменить культурную ситуацию. А то, что может от его мнения измениться, так это вне культуры, если под культурой понимать то, что понимаю я. Потому что организацию культурных мероприятий называть культурой можно очень условно. Я считаю, что самое лучшее для существования культуры – это полное отделение культуры от государства. Когда у нас государство некоторое время было в замешательстве и не думало о проведении культурных мероприятий, то это было самое лучшее условие для существования культуры. Художники, поэты, философы сами найдут наилучшие для себя формы сосуществования, и никакая организация со стороны государства и тем более со стороны лидера не может принести ничего, кроме вреда.

- Отчего же все благие побуждения приносят только вред?

В данном случае я берусь утверждать, что чем меньше государство присутствует в этой сфере, тем лучше. Потому что государство сразу же начинает объяснять, что правильно, а что неправильно, что патриотично, а что непатриотично, что способствует славе России, а что не способствует. Причем, представления «людей от государства» о том, что хорошо, а что плохо, у меня вызывают сомнение. Это представления в лучшем случае чиновничьи, то есть представления заурядного человека, вся важность которого только в занимаемой должности. А поскольку наш лидер – образец заурядности, то изменения в культуре при его содействии вряд ли могут иметь позитивный смысл. Но, к сожалению, в путинскую эпоху происходит нечто худшее, а именно, государство потихоньку идеологизируется и возвращается на старые рельсы. Это, конечно, уже не коммунистическая идеология. Она будет заменена какой-нибудь другой. Ее можно назвать, например, патриотической. Важно только одно: если государство идеологизируется, то для культуры это безусловно вредоносно. Это означает, что любой человек, который обращается к государству за помощью для своих культурных проек-

тов, будет обязан делать так, как государство будет ему диктовать. Или культура снова возвратится в свое катакомбное существование.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Культура в опеке не нуждается ни на каком этапе. Но эта опека, к сожалению, восстанавливается.

- В чем, на ваш взгляд, это проявляется?

Прежде всего во всех средствах массовой информации чувствуется присутствие внутренней цензуры. Дело касается не только сообщений и информации о чеченских событиях. Речь идет о том, как все происходящее изображается. А изображается все теперь в оптимистических тонах. Конечно, рука верховных правителей пока не простирается, скажем, до издательского дела, но тенденция есть. Тенденция состоит в том, что государство, то есть чиновничество, сосредоточивает в своих руках контроль сначала экономический, потом политический и административный, а потом идеологический. Причем идеологическая волна ощущается весьма сильно. Теперь она связана не с коммунизмом. Теперь возник трогательный альянс: патриоты, самодержавие и православие.

- Вы понимаете опеку только как контроль над деятелями культуры, но разве не должно государство опекать библиотеки, музеи, школы, вузы? Почему мы прощаем государству равнодушие по отношению ко всем учреждениям культуры?

Я вообще не согласен видеть в государстве опекуна. Государство – это не Господь Бог, у которого в карманах есть булочки для каждого из его подданных или подведомственных. У государства может не быть денег. Ведь государство это в каком-то смысле мы сами. Если предприятия не платят налоги, не надо требовать от государства и особого внимания к нуждам культуры. Мы все растратили, а теперь каждый выживает, как может. Почему я был горячим сторонником наших самых ранних реформ? Государство тогда никому не могло помочь, но оно и не мешало. Теперь мы возвращаемся на старые рельсы управляемой, планируемой экономики. На мой взгляд, это путь абсолютно тупиковый. Но такая идеология предполагает, что государству престижно иметь культуру. При этом государство начинает опекать только то, что представляется ему престижным. Большой театр – это престижно. Он будет реконструироваться и перестраиваться. На это деньги найдутся. На Храм Христа Спасителя тоже деньги нашлись. А для восстановле-

ния Ленинки денег почему-то не находится. Такая опека является абсолютно корыстной. Деньги будут и будут тратиться только на помпезную, имперскую культуру. Государство понимает свою опеку культуры только так.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Мне кажется, что термины «элитарность» и «народность» сейчас неприменимы. Что касается так называемой народности, то главным элементом этого понятия я считаю русский язык, а не какой-то мифологизированный народ. Русский язык породил и Пушкина, и Некрасова, и Бродского... Поэт – художник языка, который не просто выражает что-то на языке, а который исследует язык, но не как лингвист, а по-своему, своим поэтическим слухом. И в этом смысле творчество великого поэта можно назвать народным, поскольку оно входит в плоть русского языка. А вообще для меня слово «народ» – из словаря тоталитарной системы и больше ничего. Именем народа совершаются самые страшные злодеяния со стороны власти предрержащих. И больше ничего нет за этим словом. Что касается «элитарности», избранности, то это понятие для меня тоже неприменимо. Например, я побывал как-то на закрытом просмотре фильма Германа «Хрусталеv, машину». Собрался бомонд, «сливки», которым фильм преподносился как элите общества. Я уверен, что больше половины этих людей не обладают той чуткостью к кинематографу, которая есть у моих молодых и немолодых друзей, не имеющих возможности попасть на такой элитарный просмотр. А ведь фильм Германа обращен как раз к ним, а не к этой элите. Неслучайно он провалился в Каннах, потому что тамошняя элита – это тоже не та аудитория, которой адресован фильм, чрезвычайно изысканный и тонкий.

- В таком случае можно ли говорить о существовании культуры высокой и культуры широкого потребления?

Я такое деление не принимаю, поскольку оно является, во-первых, каким-то отжившим шаблоном, а во-вторых, идеологизировано. Для меня, человека 60-ти лет, жившего в советское время, когда никакой молодежной культуры вообще не было, существуют некоторые вещи в так называемой массовой культуре, которые обладают для меня высшей ценностью. Назову такое имя – Умка. Я считаю, что это замечательная поэзия и хорошая музыка. Но это абсолютно массовая культура. Исполнительница выходит к молодежной аудитории. Под эту музыку можно танцевать, а можно ее просто слушать. А с другой стороны, устраиваются, допустим, изысканные вернисажи, на которых собирается публика совершенно заурядных вкусов. Как можно всерьез разделять культуру на элитарную и массовую?

Неслучайно сейчас возникло такое направление, как постмодернизм, которое прежде всего стирает эти грани, грани между высоким и низким. Почему? Потому что нам даны уже сотни примеров того, что низкое оказывается высоким, а высокое низким. Это означает, что такое разделение ошибочно. Во всяком случае оно давно умерло. Неслучайно возникла эта так часто цитируемая поэтическая строка: «О, если б знали, из какого сора растут стихи не ведая стыда». Неслучайно каждое открытие в искусстве возникало с появлением в поэзии чего-то низменного. Неслучайно архаисты обвиняли Пушкина, возмущаясь тем, что он снижает уровень культуры, создавая не оды, а ловко зарифмованные стишки. Эти обвинения документально зафиксированы. Но, как выясняется, поэзия каждый раз делает шаг вперед, когда она умудряется захватить какой-то пласт этой самой массовой культуры. То есть культура – это некий тигель, в котором вываривается что-то значительное и существенное.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Говорить о служении, вероятно, лучше всего в религиозном смысле, как о возложенном на меня послушании. Во-первых, я преподаю философию в университете, и я должен приложить все усилия к тому, чтобы не столько сообщить моим студентам, кто и что думал и какие учения существовали, сколько донести до них суть философии так, как я ее понимаю. Во-вторых, это служение самой философии, которое я осуществляю по мере моих сил. Я занялся философией не потому, что мне это было предложено извне, а как раз наоборот. По первому образованию я химик. И в то время философия в нашем государстве была на таком уровне, что мои родители, узнав о моем намерении заняться философией, были категорически против. Для них это было примерно то же самое, что служба в КГБ. Мне пришлось выдержать бои и преодолеть препятствия, чтобы заниматься тем делом, которое стало моим призванием. И если говорить о служении в высоком смысле слова, то я служу прежде всего самой философии.

- Правда ли, что философия требует полного самоотречения от того, кто посвящает ей свою жизнь?

Существует распространенное мнение о том, что всякое служение есть самоотречение. На самом деле это полное обретение самого себя. Это раньше, занимаясь другим делом, я терял себя, растрчивая жизнь попусту. А значит, самоотрекался. Теперь наоборот, я себя обрел. Это не значит, что приходится отречься от друзей, от каких-то занятий, приключений, хотя философия, конечно, требует внимания, сосредоточенности и довольно большого труда. Но она требует внимания и

к тому, что происходит вокруг, потому что она не раз и навсегда данная мудрость, которую следует изучать. Она есть то, что всегда еще только может быть. Она, как и поэзия, валяется вокруг, под ногами и не замечается. Внимание философов и должно ее обнаружить.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Для меня совершенно несомненно то, что весь мир уже пронизан сетью общих технологий, – и компьютерная паутина самый яркий пример, – а также сетью общих финансовых и экономических систем. Это уже все есть. И нельзя говорить, что это только намечается, а значит, против этого можно протестовать. Это уже есть, так что в смысле информационном, экономическом, технологическом весь мир уже схвачен в нечто единое. Для меня как человека, который склонен все переводить на философский язык, это означает, что мир стал целостным. Весь мир повсюду самому себе сообщен. Невозможна такая точка в мире, которая либо сама живет изолировано, независимо ни от чего, либо то, что в ней происходит, не скажется на всем мире. Во всемирной паутине так же, как в реальной паутине: куда бы ни попала какая-нибудь муха, она немедленно дает знать по всей паутине о том, что с ней случилось. Надеюсь, что никакого паука во всемирной паутине нет, хотя нет и гарантии, что он не может появиться. В этом смысле мир уже глобален.

Что же касается влияния процесса глобализации на культуру и русскую культуру в частности, то прежде всего я должен напомнить мое собственное определение культуры. Культура – это то, как человек сообщает о себе поверх всех барьеров: временных, языковых, национальных, религиозных. И из этого исходит то, что культура – вещь принципиально глобальная, потому что она есть сообщение, та бутылка с запиской, брошенная в общий океан, где ее кто-то может поймать. Понятно, что эта сообщенность культур – нечто прямо противоположное глобальности как унификации. Мне кажется, что через конфликт двух смыслов глобальности – с одной стороны, технически-информационно-финансового, а с другой, культурного – проходит основное духовное напряжение современности. Это напряжение приводит к конфликтам и даже войнам, когда культура начинает понимать себя в противоборстве с унифицирующей глобальностью и выступает как нечто самобытное, особенное и приводящее к изоляционизму. А всякий изоляционизм имеет в себе две точки опоры: национальность и религию.

Но если происходит самоидентификация путем противоборства глобальности и самозамыкания, то это означает уход из культуры. Поскольку это уничтожает возможность сделать свой опыт человечески общезначимым. Возникает глухота по отношению к другому опыту, уходит заинтересованность в сообщении своего

опыта как вопроса с ожиданием ответа: «А ты как переживаешь нашу общую человеческую участь бытия здесь, на земле, в этих проблемах, в этой истории, в бытии с Богом?». Это и есть смысл, который сильно интенсифицирует понятие культуры в современном глобальном мире: общение поверх изолирующих барьеров, но не впадая в унификацию. Эта общность не обобщения, а общения.

Возвращаясь к русской культуре, прежде всего следует сказать о ее индивидуальности, которая связана с русским языком. А русский язык не просто средство общения, а некий смысловой организм, порождающий поэтов, писателей, философов. Они вырастают в том числе и из языка. Скажем, творчеством Достоевского русская культура сообщила о себе всему миру. Поэтому Достоевский есть одно из средоточий, фокусов русской культуры. Русская культура как культура может существовать только в глобальном мире, то есть тогда, когда она приобретает общечеловеческое значение. Потому что понимание культуры как чего-то самобытного часто приводит к тому, что люди начинают жить в какой-то резервации. Но тогда это будет похоже на всемирный зоопарк, по которому водят иностранных туристов и рассказывают: «Тут у нас живут эвенки. У них такие-то обычаи, такой-то язык. Мы их охраняем. А вот русские. У них другие обычаи, традиции и вера. Мы их тоже охраняем. И они тоже самобытны». Такая картинка мне чрезвычайно не нравится. Конечно, культура всегда самобытна не только на уровне народа, но и на уровне индивида. Неслучайно мы говорим об эпохе Пушкина, имея в виду то, что через Пушкина мы постигаем эпоху, а не наоборот. Мы ведь могли бы раздробиться на множество культур, например, на рязанскую, саратовскую, курскую самобытные культуры. Но это невозможно. Потому что культура предполагает, что мы сообщены. Конечно, русская культура особенно еще тем, что она связана с православием. Но не стоит забывать, что свой православный опыт она обнаруживает прежде всего как христиански значимый. А христианский опыт важен в той степени, в которой он становится общечеловеческим.

- Можно утверждать, что процесс глобализации идет во благо русской культуре?

Он может идти во благо, а может идти во вред. Глобальность, создаваемая культурой, не может идти во вред культуре. Глобальность, создаваемая вне культуры, может идти ей во вред. Тут такие же взаимоотношения как между государством и культурой. С одной стороны, культура не затрагивается никакими процессами. Если слух оказался поэтически чутким, человек и в лагере будет писать. Варлам Шаламов всю жизнь просидел в страшных лагерях и оказался величайшим из русских прозаиков 20-го столетия. Его творчество важно и значимо в общечеловеческом масштабе, поскольку это концентрация человеческого опыта, воплотившегося в слове. В этом смысле, стало быть, никакого влияния глобализация ока-

зять не может. А если говорить о возможной унификации культуры, то наши идеологические катки до такой степени все скатали в один асфальт, что никакая глобализация с этим не может даже сравниться. Если нам что-то и грозит, так это идеологическая унификация – наша, родная. А вовсе не всемирная. И никакое мировое зло не идет ни в какое сравнение с нашим, «домашним» злом.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Я человек не близкий церковной жизни, поэтому я отвечу кратко: отношения между церковью и государством становятся все лучше и лучше. Хорошо ли это? По-моему, не очень хорошо, и прежде всего потому, что сама православная церковь, я имею в виду ее руководство, страдает теми же идеологическими заморочками, что и наше государство. А для меня связь православия с государством есть православная идеологизация государства, с одной стороны, и огосударствление церкви, с другой, то есть предоставление ей государственных полномочий. Лидеры, которые это осуществляют, в лучшем случае уверены в том, что возвращаются к дореволюционным традициям. А я думаю, что это на дореволюционных дрожжах взошедшая наша тоталитарно-сталинская идеология, которая будет теперь приукрашена православием. Какое, на мой взгляд, влияние может все это иметь на русскую культуру? В лучшем случае никакого, а в худшем опекаемые государством учреждения культуры будут предоставляться в управление церкви. Сейчас земельный вопрос собираются решать таким вот образом. Это будет совместная работа по управлению нашей страной. А культура в том смысле, в каком я ее понимаю, будет жить, не глядя на это. Или не будет жить.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Я не вижу никакого завершения и никакого этапа в русской культуре. И никаких новых тенденций я тоже не вижу. То, что я считаю достижением современности – это замечательная литература и поэзия, которая только глубже входит в нашу художественную действительность. Я меньше знаком с изобразительным искусством и музыкой. Из того, что меня заинтересовало в последнее время, могу назвать книгу Михаила Шишкина *Взятие Измаила*, которая напрямую связана с традициями русской литературы, но в то же время образец современного построения, современной композиции чрезвычайно мощного звучания. Этот молодой писатель почему-то счел нужным уехать из России и дописывал свою книгу

в Швейцарии. По-прежнему интересен Владимир Маканин, писатель, известный еще в советские времена. А сейчас он привлек внимание своим романом *Андеграунд, или герой нашего времени*. Так что идет нормальный процесс творчества, и никаких рубежей я не вижу.

- А могли бы названные вами произведения и еще многое из того, чем живет сейчас литературная Россия, возникнуть в советское время? Возможно ли было бы их «явление народу» тогда?

Если бы не могло быть издано легально, то появилось бы в самиздате. Как Улитина напечатали после его смерти теперь, так же нашлись бы люди и напечатали бы в самиздате. Все, что происходит сейчас положительного, я называю «культурной почвой». Пока еще это только почва, которую используют не отвечая ничем. Это – «питание». А в России, до сих пор голодной на культуру, это естественный процесс: сначала надо наесться, а потом, вероятно, мы начнет творить что-то новое, если нас не начнут возвращать в идеологизированное государство. Тогда лет через десять появится поколение, богатое разными возможностями, и это несомненно скажется на развитии нашей культуры.